20 2/146

20 2/146

2423

ВЪ ЗАЩИТУ

МОНАШЕСТВА

ОПЫТЪ ОТВѢТА

на книгу

Опытъ изслѣдованія о доходахъ и имуществахъ нашихъ монастырей

ПО БЛАГОСЛОВЕНІЮ ВАЛААМСКАГО НАСТОЯТЕЛЯ

ОТЦА ИГУМЕНА ДАМАСКИНА

составилъ

Валаамскій Іеромонахъ

ПИМЕНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1876

Е 45/326 (1)

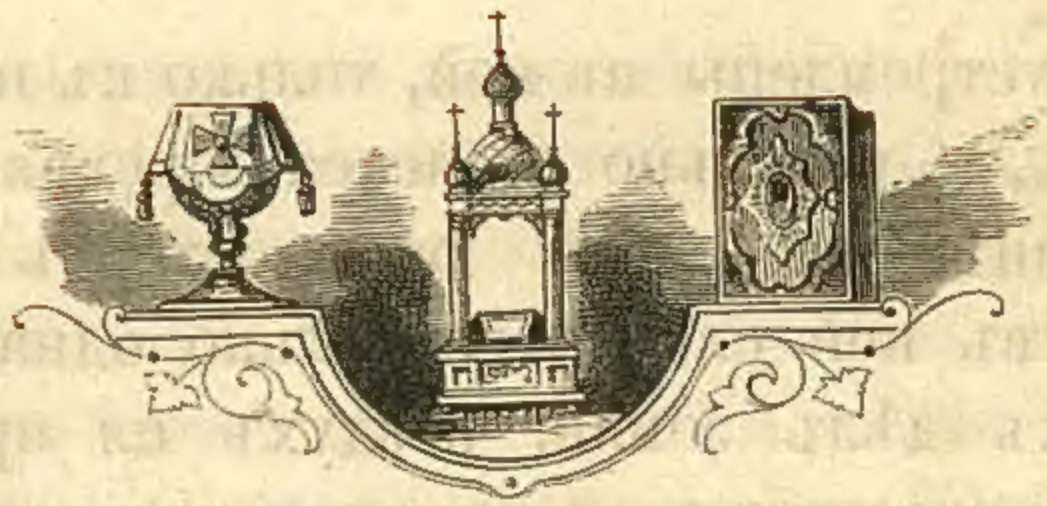
2005227377

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Іюля 1876 г.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

720-06

Азъ же и домъ мой служити будемъ Господеви (Іис. Нав. 24, 15).



МІРЪ И МОНАСТЫРИ.

Вси бо вы єдино єстє о Христѣ Іисусѣ. (Галат. 3, 28).

На двѣ совершенно противоположныхъ области нравственнаго бытія раздѣляютъ святое и нераздѣльное поле жизни христіанской,—это на область мірскую и область монастырскую [1]).

При этомъ раздѣлѣ, въ полномъ благолѣпіи, монастырская область живописно поднимается на высокихъ горахъ; ярко освѣщаютъ ее радостные лучи евангельскаго свѣта; окрестъ ея разливается дивное благоуханіе высшихъ добродѣтелей христіанскихъ; все земное въ этой горней области какъ бы замерло,—и умъ, и

[1]) Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей, С.-Петербургъ. 1876 г., стр. 11-13.

сердце устремлены въ ней, только къ небу. Напротивъ, — печально стелется мірская область въ низинѣ: надъ ней распростертъ глубокій мракъ; въ ней слышится только одна тревога суетныхъ дѣлъ земли; воздухъ ея пропитанъ горечью чувственныхъ, ничтожныхъ наслажденій; нѣтъ тамъ слова о добродѣтели, о высшихъ интересахъ человѣка, о Богѣ, о вѣчности; все святое, небесное тамъ, какъ бы не существуетъ: тамъ только земля, одна земля. Контрастъ положительный, поразительный, особенно въ томъ отношеніи, что такое плачевное, нравственное состояніе міра признается состояніемъ вполнѣ нормальнымъ и что, по убѣжденію его почитателей, ему даже нѣтъ и вовсе надобности подыматься на монастырскую высоту.

Не такъ понимали значеніе міра богомудрые вселенскіе учители святой Церкви: послушаемъ со вниманіемъ ихъ святаго ученія объ этомъ предметѣ.

Святый Василій великій, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, объ отреченіи отъ міра, и вообще о духовномъ совершенствѣ, бесѣдовалъ такъ: [1]) „Человѣколюбивый Богъ, пекущійся о нашемъ спасеніи, далъ жизни человѣ-

[1]) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. д. стр. 43-48.

ческой направленіе двоякаго рода—то есть, супружество и дѣвство, чтобы тотъ, кто не въ состояніи вынести подвиговъ дѣвства, вступалъ въ сожитіе съ женою, зная, впрочемъ, что и отъ него потребуется отчетъ въ цѣломудріи, святости и уподобленіи тѣмъ, которые въ супружествѣ и при воспитаніи дѣтей жили свято. Таковъ былъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Авраамъ, который прославился тѣмъ, что предпочелъ Бога и, преодолѣвъ чувство жалости, принесъ въ жертву единороднаго сына,—который двери шатра своего держалъ отверстыми, готовый къ принятію идущихъ странниковъ, потому что зналъ заповѣдь: „продаждь имѣніе, и даждь нищимъ" (Матѳ. 13, 21.). Еще больше сего показали Іовъ и многіе другіе, Давидъ и Самуилъ. Таковы были въ Новомъ Завѣтѣ Петръ и прочіе апостолы,—ибо у каждаго человѣка потребуются плоды любви къ Богу и ближнему, и за уклоненіе отъ сихъ, равно и отъ всѣхъ заповѣдей, всякій понесетъ наказаніе, какъ и Господь объявляетъ въ Евангеліи, говоря: „иже любитъ отца, или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ" (Матѳ. 10, 31.), и еще: „кто не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, еще же и душу свою—не можетъ Мой быти уче-

никъ“ (Лук. 14, 23.). Соглашаешься ли въ томъ, что Евангеліе дано и оженившемся? Вотъ, тебѣ приведено въ ясность, что въ послушаніи Евангелію потребуется отчетъ у всѣхъ людей,—монахи ли они, или живутъ въ супружествѣ. Для вступившаго въ бракъ достаточно и того, что ему извиняется невоздержаніе, пожеланіе жены и сожитіе съ нею; прочія же заповѣди, какъ всѣмъ равно узаконенныя, не безопасны для нарушителей. И Христосъ, благовѣствуя заповѣди Отца, обращалъ рѣчь къ живущимъ въ мірѣ. А если и случалось что, вопрошенный наединѣ, отвѣчалъ ученикамъ Своимъ, то свидѣтельствовалъ, говоря: „а яже вамъ глаголю,—всѣмъ глаголю.“ (Мар. 13, 37). Поэтому и ты, избравшій общежитіе съ женою, не опускай рукъ, какъ будто вправѣ ты предаться міру. Тебѣ, къ улученію спасенія, потребно больше трудовъ и осторожности, потому что избралъ себѣ жилище среди сѣтей и, подъ державою отступническихъ силъ, имѣешь побужденія ко грѣхамъ, и всѣ твои чувства день и ночь напряжены къ вожделѣнію ихъ. Посему знай, что не избѣжишь борьбы съ отступникомъ, и не одержишь надъ нимъ побѣды безъ многихъ трудовъ на стражбѣ евангельскихъ догматовъ, ибо

какъ возможешь отказаться отъ ратоборства со врагомъ, ведя жизнь на самомъ ратоборномъ поприщѣ? А это поприще — вся поднебесная земля, по которой кружитъ и которую обходитъ врагъ, какъ бѣшеный песъ, ища кого поглотить, какъ узнаемъ изъ исторіи Іова (Іовъ 2, 2.), и поэтому, если отрекаешься отъ брани съ противоборникомъ, то ступай въ другой міръ, въ которомъ его нѣтъ: тамъ дозволено будетъ тебѣ отреченіе отъ борьбы съ нимъ и безопасное небреженіе о догматахъ евангельскихъ. А если это невозможно,—спѣши обучиться ратоборству съ нимъ, въ Писаніи изучая и ратоборное искусство, чтобы тебя, побѣжденнаго имъ, по незнанію, не предали вѣчному огню.“

Святый Іоаннъ Златоустъ, защищая монашество отъ современныхъ мірскихъ нападеній, приводилъ слѣдующія доказательства: [1]) „Ты вполнѣ обманываешься, если думаешь, что одно требуется отъ монаха, а другое—отъ человѣка мірскаго. Все различіе между ними заключается въ томъ, что одинъ женатъ, — другой проводитъ жизнь дѣвственную; во всемъ же прочемъ они подлежатъ общему отчету. Ибо кто

[1]) Opera S. Joannis Chrysostomi, Migne, t. I., 1858 l'anné pag. 372-375.

всуе гнѣвается на своего брата, монахъ ли онъ, или мірянинъ, одинаково оскорбляютъ Господа; и кто возритъ на жену ко еже вожделѣти ея, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, подлежитъ винѣ прелюбодѣянія. Опять, кто клянется, въ какомъ бы сословіи онъ ни состоялъ, осуждается равнымъ образомъ. Ибо Христосъ, когда законополагалъ о клятвѣ, не сдѣлалъ тогда никакого различія; Онъ не сказалъ: если клянется монахъ, то его клятва отъ лукаваго, если же мірянинъ—то нѣтъ; но просто и одинаково сказалъ всѣмъ: „Азъ же вамъ глаголю, не клятися всяко" (Матѳ. 5, 34); опять, когда Господь говоритъ: „горе смѣющимся" (Лук. 6, 25), Онъ не прибавляетъ: „монахамъ", но даетъ законъ для всѣхъ. Такъ поступаетъ Спаситель во всѣхъ Своихъ великихъ и дивныхъ заповѣданіяхъ. Ибо когда говоритъ Онъ: (Матѳ. 5, 3-12): „блажени нищіе духомъ, плачущіе, кроткіе, алчущіе и жаждущіе правды, милостивые, чистые сердцемъ, миротворцы, терпящіе гоненіе правды ради, слышащіе всякъ золъ глаголъ, Мене ради",—нигдѣ не упоминаетъ ни имени мірянина, ни имени монаха,—это различіе приведено отъ человѣческой мысли; такого различія Священное Писаніе вовсе не знаетъ: оно хочетъ,

чтобы всѣ проводили монашескую жизнь, даже и женатые. Послушай, чему поучаетъ апостолъ Павелъ. Пиша къ людямъ, находившимся въ брачномъ сожитіи и воспитывавшимъ дѣтей, онъ требуетъ отъ нихъ всей строгости житія, подобающей монахамъ. Совершенно отсѣкая всѣ услажденія, какъ по отношенію къ одеждѣ, такъ и по отношенію къ пищѣ, онъ говоритъ такъ „жены во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ: и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніяхъ, ни златомъ или бисерми, или ризами многоцѣнными“ (1 Тим. 2, 9.), и опять: „питающаяся же пространно жива умерла“ (1 Тим. 5, 6), и опять: „имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“ (1 Тим. 6, 8). Чего болѣе могъ бы кто потребовать и отъ монаховъ?

Когда же наставляетъ воздерживать языкъ, такіе опять строгіе постановляетъ законы, какіе и самимъ монахамъ не легко исполнить. Къ одной и той же высотѣ совершенства слѣдуетъ восходить всѣмъ людямъ;—и это-то служитъ къ развращенію міра, что мы думаемъ, будто бы только однимъ монахамъ нужна внимательная, строгая жизнь, а прочимъ можно жить въ нерадѣніи. Нѣтъ, нѣтъ: поистинѣ одно и тоже, любомудріе требуется отъ всѣхъ: это я весьма (σφόδρα)

утверждаю; и не я, но хотяй судити насъ (Господь). Теперь мнѣ нужно показать еще, что жизнь монаховъ не привлекаетъ на себя большихъ наказаній, но что и мірскіе, совершающіе тѣ же преступленія, подлежатъ за нихъ равнымъ наказаніямъ съ монахами, ибо не облеченный въ одѣянія брачна и взыскивавшій сто динаріевъ погибли не потому, что были монахи, но потому, что совершили преступленія. И это ты можешь замѣтить не въ отношеніи только наказанія, но и въ самыхъ увѣщаніяхъ. Когда говоритъ Господь: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы; возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ (Матѳ. 11,28, 29),— тогда говоритъ Онъ это не только монахамъ, но всему человѣческому роду. Когда повелѣваетъ внити сквозѣ тѣсная врата, обращается ко всѣмъ людямъ: и душу свою возненавидѣть въ вѣцѣ семъ и прочее подобное равно заповѣдалъ всѣмъ. Когда же Господь что говоритъ не ко всѣмъ и не всѣмъ даетъ законъ, то это Онъ показываетъ явно. Такъ, когда говоритъ Онъ о дѣвствѣ, прибавляетъ: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“ (Матѳ. 19, 12), не упоминая

здѣсь „всякій“ и не выражая это въ формѣ заповѣди. Такъ и апостолъ Павелъ говоритъ: „о дѣвахъ же повелѣнія же Господня не имамъ (1 Кор. 7, 25). И такъ, что и монаху, и мірскому должно стремиться къ равному совершенству и что оба они, въ случаѣ паденія, получаютъ одинаковыя раны, думаю,—никто оспаривать не будетъ, развѣ только крайне спорливый и потерявшій стыдъ“.

„При устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“ (Матѳ. 18, 16), сказалъ Господь; такъ, на основаніи этого изрѣченія нашего Спасителя, согласное свидѣтельство двухъ вселенскихъ святыхъ учителей неопровержимо доказываетъ, что всѣ люди равно обязаны достигать евангельскаго совершенства, что всѣмъ имъ для спасенія необходимо восходить на превысокую монастырскую гору добродѣтелей, и что никто изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго права, забывъ о своемъ великомъ назначеніи, какъ неразумное дитя, подъ горою подвижничества всю жизнь свою гоняться за пустыми утѣхами грѣшнаго міра.

И какими прекрасными чертами рисуютъ предъ нами святые отцы жизнь монастырскую! Міръ имъ кажется страшно волнующимся мо-

ремъ, обитель—тихою пристанью. Монашескія купци подобны многимъ небесамъ, распростертымъ на землѣ, которая обширнѣе и неизмѣримѣе нашей, лики ихъ обитателей — ликамъ ангельскимъ. Занятія монаховъ тѣже, какія были у Адама до паденія, когда онъ, облеченный славою, дерзновенно бесѣдовалъ съ Богомъ и обиталъ въ блаженномъ раю. Едва начинаетъ восходить солнце, или еще и до разсвѣта, встаютъ эти свѣтильники съ мирнаго своего ложа. Не возмущаетъ ихъ ни печаль, ни забота, ни множество дѣлъ. Съ свѣтлымъ лицемъ и чистою совѣстію, едиными устами поютъ они гимнъ Богу всяческихъ, благодаря и прославляя Его за всѣ благодѣянія какъ частныя, такъ и общія. Окончивъ священныя свои молитвы, одинъ беретъ пророка Исаію, другой бесѣдуетъ съ апостолами, третій любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей. Съ восходомъ солнца идетъ каждый къ своему дѣлу: одинъ колетъ дрова, другой варитъ кушанье, тотъ служитъ страннымъ,—все у нихъ устроено какъ бы по какому-то правилу и мѣрѣ; вездѣ порядокъ, стройность, гармонія (св. Іоаннъ Златоустъ [1]). Созерцая такіе труды своихъ братій,

[1]) Бесѣды 69, 70, 72 на Еванг. Матѳ.

преподобный Θеодоръ Студитъ восклицалъ: „Вижу, чада мои возлюбленныя, вижу, что трудитесь вы въ службахъ вашихъ и всѣ ходите на всегдашнее церковное послѣдованіе, но не скорбите: отъ этихъ трудовъ возсіеваетъ въ васъ веселіе вѣчное! Не думайте, что вы всуе подвизаетесь, что напрасно трудитесь! Нѣтъ, нѣтъ, да не будетъ! — Но и разумно, и высоко, и достойно, и блаженно, и апостольски, и мученически, и отечески, и ангельски и небесно! [1]). „Знайте, — замѣчалъ и св. Василій великій, — что все, дѣлаемое ради Бога, — немаловажно, но велико, духовно, достойно небесъ и привлекаетъ намъ вѣчныя награды“ [2]). Раздѣляя общіе труды, всѣ братія имѣютъ одинаковую пищу, одинаковую одежду, одинаковыя жилища. Здѣсь никто не жалуется на бѣдность, не превозносится богатствомъ: здѣсь всѣ благородны одинаковымъ благородствомъ, — рабы одинаковымъ рабствомъ, свободные — одинаковою свободой. Всѣ здѣсь равно велики — по свидѣтельству преподобныхъ отцевъ, Варсонуфія великаго [3]) и Θеодора Студита [4]),

[1]) Огласительныя поученія. Москва 1853 г., стр. 10 и 29.

[2]) Твор. Москва т, V стр. 451.

[3]) Руководство къ духов. жизни Москва. 1852 г. стр. 159.

[4]) Оглас. поуч., стр. 16 и 17.

всѣ сіяютъ славою мученичества потому только одному, что укрѣпленные благодатію Божіею возмогли они разлучиться отъ любви родителей и сродниковъ, или и отъ вольнаго обычая, могутъ они сказать Господу, какъ и верховный апостолъ Петръ: „Вотъ, мы оставили все, и послѣдовали за Тобою,—что же намъ будетъ?“ и получить въ отвѣтъ: „во второе пришествіе сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ.“ Всѣ здѣсь, какъ величалъ преподобный Ѳеодоръ Студитъ,—«мужи желаній, дѣлатели Господни, люди израильскіе, слуги и служители храма Господня, сыны Кааѳовы и Мерарины [1]), воздвижущіе честнѣйшіе сосуды скиніи истины!„

Избрать жизнь монашескую—свидѣтельствуетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—посвятить себя на служеніе Богу—для всѣхъ легко и удобно. [2]) Порядокъ монашеской жизни отъ дней новоначалія до пустыннаго совершенства начертанъ въ уставахъ богомудрыхъ отцовъ и внимательно принаровленъ къ немощи человѣческой: такъ, построить лѣствицу восхожденія на небо могла

[1]) Племени Кааѳову поручены были на охраненіе священные сосуды, принадлежавшіе ветхозавѣтной скиніи, а потомки Мерари обязаны были носить ея столпы и другія части. (Число. 2.)

[2]) Opera, Migne, t. 1 pag. 387.

только собственная многолѣтняя опытность, озаренная горнимъ свѣтомъ. По уставу преподобнаго Пахомія великаго, новоначальнаго прежде всего старались пріучить побѣждать свои желанія: съ этимъ намѣреніемъ ему назначали дѣлать то, къ чему у него нѣтъ расположенія, ибо умерщвленіе своей воли есть источникъ всѣхъ добродѣтелей. Обременять работою было строго запрещено; работы обыкновенно соразмѣрялись съ силами каждаго, чтобы ихъ можно было исполнить безъ печали и ропота. Относительно молитвы, св. Пахомію уставъ данъ былъ ангеломъ. „Я положилъ столько молитвъ—сказалъ при этомъ преподобному уставщикъ небесный—для того, чтобы и слабые удобно, безъ отягощенія, могли выполнить правило; совершенные же, пребывая наединѣ въ своей келліи, всю свою жизнь проводятъ въ созерцаніи Бога". Въ трапезѣ подавали все, дозволенное уставомъ, какъ-то: хлѣбъ, маслины, сыръ, овощи, соленыя рыбки, предоставляя свободѣ каждаго воздерживаться отъ пищи, дабы воздержаніе не было принужденное и имѣло большую заслугу предъ Богомъ. Больнымъ оказывали нѣжность самую внимательную. Такъ было для того, замѣчаетъ Іеронимъ блаженный, чтобы они не со-

жалѣли ни объ удобствахъ города, ни о нѣжности своихъ матерей [1]). Та же мудрая снисходительность и отеческая заботливость о спасеніи каждаго, какія составляли отличительный характеръ общежительнаго устава великаго Пахомія, служатъ главнымъ основаніемъ руководительнаго порядка и въ управленіи монахами, проводившими отшельническую жизнь. Одинъ монахъ, римлянинъ, бывшій нѣкогда знаменитымъ при царскомъ дворѣ, пришелъ въ скитъ и поселился близь церкви. Онъ держалъ при себѣ раба, который ему прислуживалъ. Настоятель, по вниманію къ его немощи и зная, какое довольство оставилъ онъ въ мірѣ, посылалъ ему разныя утѣшенія. Проживъ въ скиту двадцать пять лѣтъ, римлянинъ получилъ даръ прозрѣнія и сдѣлался славнымъ. Вотъ, приходитъ къ нему одинъ изъ великихъ подвижниковъ египетскихъ, надѣясь найдти у него какой-нибудь необыкновенный образъ внѣшней жизни, и видитъ, что римлянинъ одѣтъ довольно роскошно; подъ нимъ рогожа, покрытая кожею, небольшая подушка; ноги у него чисты, обуты въ сандаліи, ему прислуживаютъ; за обѣдомъ подаютъ ва-

[1]) Истор. Правосл. монаш. на Востокѣ. Казанскаго. Москва, 1854 г. ч. 1 стр. 136, 137, 156 и 158.

реныя овощи и вино. Египтянинъ соблазнился. Тогда сказалъ ему прозорливый римлянинъ: „Я, грѣшный, оставилъ городъ и пришелъ въ эту пустыню; прозрѣвъ богатство, помѣстился въ эту малую келлію; вмѣсто драгоцѣнныхъ одеждъ, ношу теперь это недорогое одѣяніе; прежній роскошный столъ замѣняютъ мнѣ вареныя овощи и небольшая чаша вина; вмѣсто музыки и пѣнія, я прочитываю по двѣнадцати псалмовъ съ вечера; то же малое мое служеніе совершаю я и ночью, за содѣянные мною грѣхи. И такъ, прошу тебя, авва, не соблазняйся моею немощію!“ Разсказъ этотъ тронулъ египтянина: онъ понялъ, что римлянинъ отъ довольства пришелъ къ скорбямъ, отъ великой славы и богатства пришелъ къ уничиженію и бѣдности! [1]).

— Заклинаю тебя,—умирая, говорилъ преподобный Пахомій великій любимому своему ученику, Ѳеодору Освященному,—не оставляй заботы о лѣнивыхъ въ служеніи Господу, непрестанно увѣщевай ихъ жить благочестиво.—Преподобному была открыта Господомъ судьба монастырей. Однажды, во время молитвы, Пахо-

[1]) Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ. С.-Петербургъ. 1871 г. стр. 345-348.

мій великій видѣлъ, что одни изъ его братій окружены пламенемъ, изъ котораго они не могутъ выйдти, другихъ оплели тернія и колютъ ихъ отвсюду, третьи стоятъ на краю страшной пропасти и не могутъ отойти отъ нея. Въ другой разъ, во время же молитвы, глазамъ его представился ровъ, наполненный монахами. Всѣ стремятся выйти изъ рва, но только немногіе, съ великимъ трудомъ, изъ него выходятъ, и ихъ осіяваетъ свѣтъ. Съ рыданіемъ повергся тогда преподобный на землю. „Господи,—взывалъ онъ,—если такова судьба монаховъ, то зачѣмъ Ты восхотѣлъ, чтобы были киновіи и монастыри?“ — И былъ ему Божественный гласъ: „Все держится Моимъ милосердіемъ. Твое духовное сѣмя не оскудѣетъ до конца вѣка. Многіе изъ будущихъ монаховъ выйдутъ изъ глубины мрачнаго рва и явятся высшими нынѣшнихъ, потому что спасутся безъ руководителей; иные спасутся чрезъ напасти и скорби, и явятся равными великимъ святымъ! [1])“ Во дни цвѣта монашества, въ V вѣкѣ, однажды пресвитеръ пелусіотскій, услышавъ, что нѣкоторые братія часто бываютъ въ городѣ, ходятъ въ баню и ведутъ себя безпечно, пришелъ въ

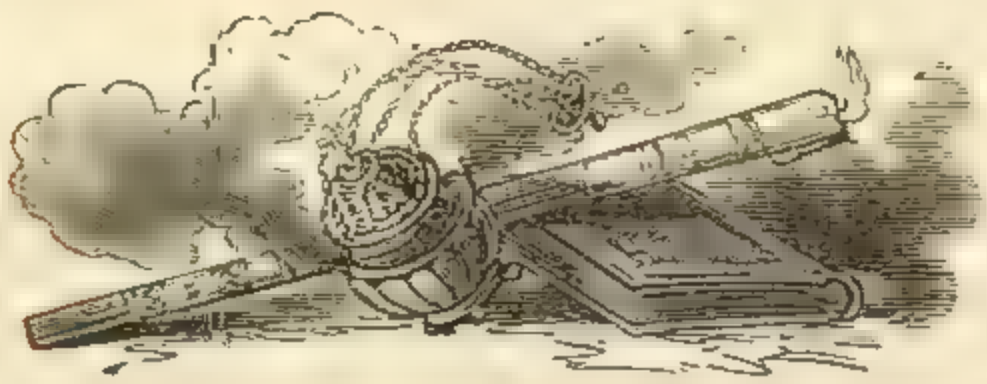
[1]) Исторія монашества, стр. 191—192.

собраніе и снялъ съ нихъ монашескія одежды. Но послѣ больно стало его сердцу, онъ раскаялся и пошелъ къ преподобному аввѣ Пимену за совѣтомъ. „Нѣтъ ли и въ тебѣ чего нибудь отъ ветхаго человѣка? совлекся ли ты его?“ спросилъ старецъ Пресвитера. „Есть еще и во мнѣ ветхій человѣкъ“ отвѣчалъ пресвитеръ.—Старецъ сказалъ ему: „вотъ и ты таковъ же, какъ и братія! Если и немного имѣешь ветхости, уже подлежишь грѣху.“ Пресвитеръ призвалъ къ себѣ братій, просилъ у нихъ прощенія (ихъ было одиннадцать) облекъ ихъ въ монашескія одежды и отпустилъ [1]). Такъ, кротостію увѣщаній и долготерпѣніемъ старались преподобные отцы врачевать и воспитывать нерадивыхъ братій, зная, какимъ великимъ трудомъ пріобрѣтаются добродѣтели и какъ легко обаятельною силою искушеній приводится человѣкъ ко грѣху.

Обозрѣвъ небесныя красоты горней области монастырской, въ заключеніе, почитателямъ грѣшнаго міра мы скажемъ, что для сужденія о нравственномъ достоинствѣ монастырей, имъ рѣшительно недостаетъ христіанскихъ понятій. На основаніи ученія святыхъ отцовъ, пусть

[1]) Достопамятное сказаніе, страницы 272 и 273.

сперва они постараются убѣдиться, что, по слову святаго Апостола Павла, вси, и монахи, и мірскіе, едино суть о Христѣ Іисусѣ,—что всѣмъ равно необходимо преспѣвать въ христіанскомъ благочестіи,—что всѣмъ равный будетъ судъ безъ различія званій. Пусть постараются они подвизаться подвигомъ добрымъ, и мы убѣждены впередъ, что если только они послушаютъ нашего благаго совѣта, сами они будутъ сочувствовать всею полнотою души монашествующимъ въ ихъ небесномъ стремленіи, и отъ всего сердца, вмѣстѣ съ святымъ Василіемъ великимъ, скажутъ: „Истинно достоинъ удивленія и блаженъ, кто вознамѣрился послушать Христа и спѣшитъ къ убогой и безмятежной жизни [1]).



[1]) Творен. т. 9. стр. 45.

ДОХОДЫ И ИМУЩЕСТВА МОНАСТЫРЕЙ.

Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. (Мато. 6, 33).

Утверждаютъ, что будто бы монахи, основатели монастырей, не принимали никакихъ вещественныхъ приношеній, вовсе не заботились о монастырскомъ благоустройствѣ, и что всѣ они, какъ бы какіе безплотные работники, день и ночь, безъ устали, трудились въ самыхъ тяжелыхъ работахъ только для временнаго блага грѣшнаго міра. (Опытъ изслѣдов. о доход. стр. 24.) Такъ утверждаютъ, основываясь исключительно на своемъ воображеніи. А вотъ что говоритъ исторія.

Все въ совершенствѣ было устроено, какъ въ духовномъ, такъ и вещественномъ отноше-

ніи, въ монастыряхъ Тавенскихъ, основанныхъ преподобнымъ Пахоміемъ великимъ, и эта прекрасная гармонія была установлена единственно для облегченія освященія братій. Такъ, въ отношеніи духовномъ, они имѣли всѣ средства, что бы достигать религіознаго совершенства: наставленія, чтенія, исправленія, молитвы, таинства, хорошіе примѣры, все было употребляемо, по правилу, бдительностію начальствующихъ, что бы сдѣлать ихъ святыми. Въ отношеніи вещественномъ, всѣ предметы, нужные для жизни, были распредѣляемы съ такою предусмотрительностію, что монахи не имѣли никакой заботы съ этой стороны, которая могла бы ихъ хотя сколько нибудь отвратить отъ попеченія объ ихъ преспѣяніи въ благочестіи [1]). Для своихъ надобностей монастыри Тавенскіе имѣли особыя, запасныя суммы, имѣли разные инструменты для мастерскихъ, библіотеку, два большихъ водоходныхъ судна, на которыхъ отправляли монастырскія рукодѣлія для продажи въ Александрію и другія мѣста, и привозили оттуда покупаемую провизію [2]). Пре-

[1]) Viês des pères des dèserts d'Orient, Marin, Avignon, 1825, t. 1 p. 316.

[2]) Vies, t. I. p. 315.

подобный Пахомій принималъ жертвуемыя имущества въ монастырскую собственность; такъ, отъ отца своего ученика Петронія онъ принялъ все имѣніе; на его деньги построилъ въ Тебуи новый монастырь [1]).

Святый Евфимій великій принялъ все имѣніе отъ Мариса, дяди Терибона, не пожелавшаго возвратиться въ міръ и поступившаго въ монахи. Онъ просилъ губернатора Аспевета для умножавшихся братій выстроить келліи и церковь,—и въ короткое время, средствами Аспевета, возникла лавра, ни въ чемъ не уступавшая пустынной лаврѣ Фаранской [2]).

Возрастала слава преподобнаго Саввы Освященнаго, множилось число учениковъ его; многіе изъ желавшихъ поступить подъ его руководство, приносили ему значительныя денежныя суммы, большую часть которыхъ онъ употреблялъ на необходимыя зданія для новоприходящихъ, зная, что такое дѣло пріятно Господу [3]).

Пустынники, подвизавшіеся въ окрестности г. Антіохіи, свидѣтельствуетъ Св. Іоаннъ Зла-

[1]) Vies, t. I, p. 318.
[2]) Vies, t. 3, 150. 144, p.
[3]) Vies, t. III, p. 193.

тоустъ, принимали въ милостыню все, что только имъ приносили [1]).

Блаженная Меланія, раздавшая все свое огромное имѣніе по монастырямъ, церквамъ и страннопріимницамъ, пришла въ Нитрійскую гору къ преподобному Памвѣ и просила его отъ ея усердія принять приношеніе, состоявшее изъ трехсотъ литръ серебра. Преподобный плелъ корзину и, не оставляя своей работы, сказалъ Меланіи: „Богъ да вознаградитъ тебя; потомъ, обратясь къ своему ученику, продолжалъ: „возми это и употреби на нужды братій, живущихъ въ Ливіи и по островамъ". Блаженная Меланія, ожидая удостоиться отъ преподобнаго Памвы особеннаго вниманія за такое большое пожертвованіе, и видя, что онъ молчитъ, рѣшилась сказать ему: „Авво! въ этомъ ящикѣ триста литръ".—„Дочь моя,—отвѣчалъ ей преподобный,—Тотъ, кому ты принесла этотъ даръ, знаетъ, сколько въ немъ вѣсу; онъ взвѣсилъ горы и холмы и не презрѣлъ двухъ лептъ вдовицы" [2]).

„Надобно ли изъ братскихъ запасовъ давать нуждающимся изъ стороннихъ?"—спросили свя-

[1]) Vies, t. III, p. 284.
[2]) Historia Lausiaka, cap. X.

таго Василія. Великій свѣтильникъ церкви и монашества отвѣчалъ: „Поелику Господь сказалъ: „нѣсмь посланъ, только ко овцамъ погибшимъ дому Израилева“, и „нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и повръщи псомъ“ (Матѳ. 15, 24, 26): то нѣтъ необходимости назначенное для посвятившихъ себя Богу расточать на людей стороннихъ. А если можетъ имѣть мѣсто сказанное женою, похваленною за вѣру: „ей Господи: ибо и пси ѣдятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ:“ (Матѳ. 15, 27), то да предоставлено будетъ усмотрѣнію домостроителя, съ общаго согласія съ нимъ соначальствующихъ, дѣлать, чтобы отъ избытка, какъ написано, солнце сіяло на злыя и благія (Матѳ. 5, 45) [1]).

Такъ поступали вселенскія свѣтила монашества, такъ поступали въ святой Россіи и ихъ великіе ученики. Мы видимъ, что Печерская обитель, со временъ преподобнаго Ѳеодосія, принимала въ свою собственность имѣнія, жертвуемыми имуществами обезпечивали свое существованіе также и сѣверные монастыри [2]). Стороннія пособія были необходимы. И строенія,

[1]) Твор. ч. 5 стр. 366.

[2]) Исторія русскаго монашества, Казанскаго, стр. 183.

и украшеніе храмовъ, и содержаніе братій, и разведеніе и поддержаніе хозяйства, и пріемъ поклонниковъ, и благотворенія нуждающимся,— все это требовало значительныхъ средствъ. Благочестивные міряне понимали нужды монастырей, и всѣми способами помогали ихъ удовлетворенію. Имѣнія и доходы монастырскіе росли, монастыри процвѣтали. Среди общаго порядка, естественно, бывали уклоненія. Эти уклоненія разрисовываютъ самыми мрачными красками [1]), и притомъ съ односторонностію крайнею.

„Ошиблись бы мы — прекрасно замѣтилъ въ этомъ отношеніи преосвященный Макарій, архіепископъ Литовскій—если бы свидѣтельства, приводимыя о худой сторонѣ нашего монашества, вздумали распростирать не на нѣкоторыя только, а на всѣ обители и на всѣхъ иноковъ. Нѣтъ, были у насъ и иноки, были и монастыри, которые вполнѣ соотвѣтствовали своему призванію. Припомнимъ, прежде всего, Пафнутія Боровскаго, Зосиму Соловецкаго, Елеазара Псковскаго, Макарія Калязинскаго: какимъ глубокимъ подвижничествомъ отличались они, какъ строго держали и вели устроенныя ими обители, какое вліяніе имѣли на самихъ мірянъ и

[1]) Опытъ изслѣд. стр. 37.

какимъ уваженіемъ пользовались отъ нихъ. Къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтій явились новыя свѣтила въ русскомъ монашескомъ мірѣ: Іосифъ Волоколамскій, Нилъ Сорскій, Инокентій Вологодскій, Александръ Свирскій, Корнилій Комельскій, которые также, если даже не болѣе, благодѣтельно дѣйствовали и на своихъ учениковъ, и на все русское монашество, и на всю отечественную церковь. Вслѣдъ за ними, и отчасти вмѣстѣ съ ними, втеченіе всей первой половины XVI вѣка, подвизались и свѣтили для всѣхъ своимъ высокимъ благочестіемъ другіе основатели и устроители монастырей — Даніилъ Переяславскій, Кириллъ Новоезерскій, Герасимъ Болуинскій, Арсеній Комельскій, Антоній Сійскій. Даже во второй половинѣ XVI вѣка, въ средѣ монашества не прекращался рядъ строгихъ подвижниковъ и настоятелей монастырей, каковы были: Филиппъ Соловецкій, впослѣдствіе митрополитъ, Трифонъ Кольскій—просвѣтитель Лопарей, Ѳеодосій Тотемскій, Арсеній Новгородскій,—словомъ, мы могли бы поименовать до пятидесяти черноризцевъ, и преимущественно настоятелей, которыхъ воспитали наши тогдашнія обители и которые за свое благочестіе или причислены Церковью къ

лику святыхъ, или доселѣ чтутся мѣстно. Справедливость требуетъ присовокупить, что въ числѣ этихъ достойныхъ черноризцевъ находились не одни, жившіе въ монастыряхъ, но и пустынники, между которыми особенно замѣчательны два пострижинника Крипецкаго монастыря: преподобный Нилъ Столобенскій, подвизавшійся 27 лѣтъ въ пещерѣ близь Остапкова, и преподобный Никандръ Псковскій, проведшій много лѣтъ, и до постриженія и послѣ постриженія своего, въ глубокой пустынѣ между Порховомъ и Псковомъ на рѣкѣ Демьянкѣ [1]).

Такой сонмъ святыхъ подвижниковъ божественнымъ своимъ свѣтомъ совершенно разгоняетъ темноту недостатковъ современныхъ имъ монашествующихъ, притомъ очень увеличенную какъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, вслѣдствіе его раздраженія на бояръ, постриженныхъ въ монашество въ разныхъ обителяхъ, такъ и инокомъ Максимомъ-грекомъ и инокомъ—княземъ Вассіаномъ, не имѣвшими возможности знать лично о томъ, за что осуждали они черноризцевъ монастырей, владѣвшихъ

[1]) Исторія русской церкви, преосвящ. Макарія Т. VII, стр. 104—106.

имѣніями, какъ вполнѣ достовѣрно доказываетъ это инокъ Зиновій, одинъ изъ учениковъ Максима-грека [1]).

Въ 1864 г. отобраны были церковныя и монастырскія имущества въ вѣдѣніе государства. Поводомъ къ такой мѣрѣ усиливаются выставлять только одни злоупотребленія духовныхъ властей въ управленіи имѣніями; [2]) но не то говорятъ лица, достойныя полнаго вниманія и уваженія, съ спокойствіемъ историковъ вполнѣ изслѣдовавшіе этотъ щекотливый вопросъ. Такъ, преосвященный Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, въ своей исторіи русской церкви, въ томѣ пятомъ, стр. 15, пишетъ: „Ни каѳедры, ни монастыри не увеличивали числа своихъ деревень ни покупкою, ни принятіемъ пожертвованій; но имѣнія росли отъ того, что слишкомъ берегли церковную собственность: если бѣднѣлъ крестьянинъ, его надѣляли всѣмъ нужнымъ—лошадью, дворомъ и проч. Крестьяне мало работали для каѳедръ и монастырей, и много имѣли свободы работать для себя. Впрочемъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что

[1]) Истор. русск. церк., преосв. Макарія, т. VII, стр. 98, 108 и 109.

[2]) Опытъ изслѣд. стр. 47—56.

недвижимыя имѣнія монастырей и каѳедръ, возросшія до огромнаго числа, при кротости духовнаго правленія и при злоупотребленіяхъ свѣтскаго, далеко менѣе приносили выгодъ духовенству и государству, чѣмъ могли приносить".—Такъ и нашъ извѣстный археологъ, старѣйшій посреди насъ, старины любитель и оберегатель, 70-лѣтній труженикъ науки и литературы" И. М. Снегиревъ [1]), въ русскихъ достопамятностяхъ, выпускъ четвертый, говоритъ: „Легко можно себѣ представить, какое вліяніе имѣло это преобразованіе на духовенство, на бытъ и хозяйственный обиходъ монастырей и на духовныхъ властей, поддерживавшихъ земледѣліе, содержавшихъ училища и богадѣльни, кормившихъ слободы нищихъ; одно только замѣтимъ, что съ того года вздорожалъ хлѣбъ. Не такъ на это смотрѣло дворянство, которое роптало, что предки ихъ, на свое поминовеніе, отказывали ихъ наслѣдственныя вотчины въ монастыри. Вспоминая случайныя злоупотребленія, забывали благоупотребленія".—Что управленіе монастырскими имѣніями дѣйствитель-

[1]) Такъ отзывается о г. Снегиревѣ г. Сушковъ, въ своихъ запискахъ о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго

но было таково, какимъ представляетъ его намъ преосвященный Филаретъ и г. Снегиревъ, осязательно и неопровержимо подтверждаетъ тотъ фактъ, что многіе крестьяне, не попавшіе въ вѣдомство монастырское, убѣгали отъ притѣсненій своихъ бояръ и вымогательствъ чиновниковъ, являлись въ монастыри и сами напрашивались въ крѣпостные ихъ. Подобные переходы мало по малу принимали большіе размѣры и правительство вынуждено было прекратить ихъ. (Полн. Собр. Зак. т. 2, № 731).

Прошла година испытанія; щедротами благочестивѣйшихъ государей и приношеніями частныхъ доброхотныхъ дателей, милостію Божіею, стали обогащаться святыя обители. Теперь являются охотники считать богатства монастырей и, умалчивая о тѣхъ трудахъ, какими онѣ пріобрѣтены, выставляютъ монастырскія сокровища въ цифрахъ громадныхъ размѣровъ. [1]) Стремленіе это такъ увлекло любителей чужой собственности, что ихъ не останавливаетъ ни оцѣнка домовъ Свято-Троицкой Александроневской лавры, сдѣланная с.-петербургскою городскою думой: имъ кажется, что частный доходъ отъ лаврскихъ домовъ, опредѣляемый

[1]) Опытъ изслѣдованія стр. 68—305.

думою гораздо ниже дохода дѣйствительнаго, [1]) ни на подробный перечень доходовъ и расходовъ Свято-Троицкой Московской лавры, напечатанный по приказанію высокопреосвященнѣйшаго московскаго митрополита, намѣстникомъ лавры въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1870 г. въ № 332,—имъ представляется, что одна статья въ этомъ перечнѣ значительно уменьшена, другая—невѣроятно мала, третья—очень мала, четвертая пропущена, пятая не можетъ быть болѣе вчетверо, а должна быть болѣе въ одинадцать и даже въ 13 $^1/_2$ разъ и т д. [2]). Такимъ образомъ, оскорбляя недовѣріемъ почтеннаго намѣстника московской лавры и с.-петербургскую городскую думу, оставляя въ сторонѣ документы, во всѣхъ своихъ выводахъ, охотники до ариѳметическихъ задачъ упражняются только въ составленіи геометрическихъ пропорцій, чудовищные члены пропорцій черпая преимущественно изъ своей головы. Такіе пріемы и такіе выводы едвали заслуживаютъ довѣрія... Это вообще, въ частности, по отношенію къ Валаамскому монастырю, цифры, взятыя будто бы изъ отчета монастырскаго за

[1]) Опытъ изслѣдованія, стр. 214.

[2]) Опытъ изслѣд. стр. 119, 122, 124 и 126.

1874 г., оказываются несогласными съ отчетомъ. Такъ, валовой итогъ монастырскаго прихода въ 1874 г. увеличенъ почти вдвое, а сумма билетовъ, поступившихъ въ томъ году, почти вчетверо противъ дѣйствительности. Это дутые капиталы и глухая фраза „Валаамскій монастырь имѣетъ 12 храмовъ“ поставили Валаамъ въ вещественномъ отношеніи выше знаменитыхъ святыхъ обителей: Юрьевской, Соловецкой, Донской, даже выше Свято-Троицкой лавры Московской; но все это только въ воображеніи мечтателей о богатствахъ монастырскихъ; а вотъ что Валаамъ въ дѣйствительности.

Въ 1764 году, при учрежденіи штатовъ объ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, Валаамскій монастырь, впредь до разсмотрѣнія, былъ оставленъ за штатомъ. Тогда монастырь пришелъ въ крайній упадокъ; деревянныя зданія его, не поддерживаемыя ремонтомъ, разрушались. Братство его состояло большею частію изъ людей престарѣлыхъ: не кому было править чреды священнослуженія, не кому было состоять въ клирѣ. Помѣщенные по этому случаю въ монастырь, по распоряженію епархіальнаго начальства, бѣлый священникъ, діаконъ и четыре причетника съ семьями, нерадиво ис-

полняя свои обязанности, только постоянно спорили съ о. игуменомъ о доходахъ. Преосвященный Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, обратилъ свое вниманіе на скорбное положеніе обители. Желая возстановить „на Валаамѣ селеніе святыхъ и тѣмъ принести Спасителю міра благоугодную жертву“ (грамота 1787 г.), въ 1781 г. святитель вызвалъ изъ Саровской пустыни, Тамбовской епархіи, іеромонаха Назарія, и опредѣлилъ его строителемъ въ Валаамскій монастырь. Слава добродѣтельной жизни старца и опытность его въ подвижничествѣ, разливавшіяся повсюду еще изъ Сарова, въ скоромъ времени собрали подъ его мудрое управленіе значительное братство на Валаамъ. Руководимые опытнымъ настоятелемъ, валаамскіе иноки преспѣвали во всѣхъ родахъ подвижничества: въ общежитіи, въ жизни скитской и отшельничествѣ. Такъ, стараніемъ о. Назарія ожила внутренняя иноческая жизнь на Валаамѣ; его же заботами улучшилось и внѣшнее положеніе обители: построены были каменные храмы и каменныя братскія келліи; обитель включена въ штатъ и получила угодья. Храмы и келліи, построенные при о. Назаріѣ въ началѣ текущаго столѣтія, существуютъ по настоящее

время. Построенные въ скудости средствъ, они, вѣроятно, немного утѣшали современниковъ; теперь же они находятся въ положеніи крайне-прискорбномъ. Братскія келліи построены безъ фундамента прямо на природномъ гранитѣ валаамскомъ; по всему ихъ протяженію, съ небольшими промежутками, сырость широкими треугольниками подымается отъ подошвы до карнизовъ; каждый годъ необходимо эти треугольники забѣливать, а нерѣдко и выламывать ихъ и вмѣсто ихъ вставлять новыя кирпичныя заплатки; въ кельяхъ—сырость, духота. Храмовъ въ монастырѣ собственно три: лѣтній, Преображенскій соборъ, подъ нимъ теплая церковь, въ которой подъ спудомъ почиваютъ святыя мощи преподобныхъ чудотворцевъ валаамскихъ, и зимняя церковь во имя Успенія Божіей Матери. Внутренность Преображенскаго собора составляетъ открытый четвероугольникъ, длиною 5 и шириною 6 саженъ; пятую часть этого пространства занимаютъ четыре основныхъ огромныхъ столба, затѣмъ четыре пятыхъ остается для помѣщенія двухсотъ братій и многихъ сотъ, а иногда и тысячь посѣтителей; нѣтъ здѣсь ни уютнаго уголка для дряхлаго старца, ни спокойнаго мѣста для но-

воначальнаго: необходимость заставляетъ братій лѣпиться въ небольшомъ притворѣ по сторонамъ внутренней лѣстницы, гдѣ взадъ и впередъ движутся богомольцы,— или въ узенькой проходной пономарской, гдѣ суетятся церковные прислужники; верхъ непролетный: оттого въ соборѣ воздухъ спертъ и невыносимо жарко. Церковь во имя преподобныхъ въ родѣ пещерной; здѣсь служатъ ежедневныя раннія Божественныя литургіи. Зимняя Успенская церковь, въ которой всѣ обитатели Валаама совершаютъ свои молитвы втеченіе восьми мѣсяцевъ, вышиною 3 и шириною 4 саж., съ хорами, просто до убожества; полукруглый иконастасъ ея выкрашенъ голубой масляной краской: въ немъ всѣ иконы простаго иконнаго письма, безъ всякихъ окладовъ и украшеній; стѣны бѣлыя; духота и жаръ въ воскресные и праздничные дни— томительны до крайности. Прочіе три храма въ монастырѣ небольшіе, холодные, въ нихъ совершается служба только въ храмовые праздники. По окраинамъ своихъ острововъ, какъ бы для охраненія монастырскаго сердца, въ скитахъ, по усердію благотворителей, монастырь устроилъ два каменныхъ и пять деревянныхъ небольшихъ храмовъ. Такъ,

хотя храмовъ въ Валаамскомъ монастырѣ числится 12, но, собственно говоря, монастырь не имѣетъ ни храма, ни келлій. Средствъ къ своему содержанію положительныхъ у монастыря только 16 т. р., и вся эта сумма должна расходоваться только на годовую провизію; удовлетвореніе же прочихъ нуждъ „многихъ“ совершенно въ рукахъ Божіихъ. Такъ, дѣйствительное матеріальное положеніе Валаамскаго монастыря далеко не то, какимъ представляется оно людямъ, носящимся въ облакахъ фантазіи. Такъ, совершенно ошибаются они по отношенію къ Валаамскому монастырю,— такъ ошибаются они въ своихъ разсчетахъ и по отношенію къ прочимъ обителямъ: невозможно по одной поверхности судить о внутреннихъ нуждахъ.

Казалось бы, съ отобраніемъ отъ монастырей недвижимыхъ имуществъ, они, лишась средствъ къ своему содержанію, должны были бы мало по малу совершенно зачахнуть, сойти съ занимаемой ими горней области и навсегда исчезнуть въ низинѣ грѣшнаго міра; но святыя обители стремятся съ небесной своей высоты къ цѣлямъ святымъ, онѣ ищутъ царствія Божія и Его правды; вотъ, почему все нужное для благоденствія монастырей, по слову Божію, всегда будетъ прилагаться имъ.

МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ.

Приди и учись у монаховъ. Сто свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ (Св. Іоаннъ Златоустъ, бесѣда 69 на Еванг. Матѳ.).

Въ двухъ главныхъ формахъ сложилась монашеская жизнь: это въ формѣ жизни отшельнической, или созерцательной, и въ формѣ жизни дѣятельной, или общежительной. [1]) Для обѣихъ этихъ формъ св. Василіемъ великимъ составлены особыя правила. О жизни отшельнической говоритъ великій святитель, что она имѣла своихъ знаменитыхъ представителей. [2])

[1]) Исторія православн. монаш. на Востокѣ. Казанскаго, т. II стр. 15. и Vies des pères des dèserts d'orient. t. III. p. 281.

[2]) Жизнь Св. Василія великаго. Архимандр. Агапита, стр. 61.

Эти двѣ формы монашеской жизни существуютъ по настоящее время на святой Аѳонской горѣ, въ этомъ многовѣковомъ царствѣ монашескомъ, въ которое не проникъ духъ человѣческихъ преобразованій,— въ православныхъ монастыряхъ на Востокѣ и въ святыхъ обителяхъ нашего отечества. Обители, въ которыхъ внутренняя жизнь направляется, въ формѣ жизни отшельнической, называются монастырями, лаврами, вообще штатными монастырями; обители, гдѣ началомъ жизни внутренней служитъ форма жизни общежительной, извѣстны подъ именемъ киновій, монастырей общежительныхъ. На Аѳонѣ, въ 1850 году, считалось одиннадцать штатныхъ монастырей и девять монастырей общежительныхъ [1]). Такимъ образомъ, обѣ формы жизни монашеской, форма штатная и форма общежительная, носятъ на себѣ священную, многовѣковую печать несокрушимой мудрости отеческой. Обѣ формы дышатъ однимъ великимъ духомъ истиннаго подвижничества; различаясь нѣкоторыми чисто внѣшними особенностями, мудро принаровленными къ мѣстнымъ потребностямъ, онѣ обѣ имѣютъ одну великую

[1]) Описаніе монастырей и скитовъ, находящихся на святой Аѳонской горѣ, С.-Петербургъ 1859 г. стр. 1.

задачу— задачу нравственнаго совершенствованія внутренняго человѣка; у обѣихъ ихъ однѣ и тѣ же священныя занятія— псалмопѣніе, чтеніе, молитва, рукодѣліе, подвиги покаянія. [1]) Въ обѣихъ формахъ безразлично созрѣваютъ великіе подвижники, составляющіе славу и опору Церкви и красу человѣчества. Представляемъ доказательства.

Преосвященный Филаретъ, митрополитъ Кіевскій.

„Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко Ты Самъ благодатію Своею вложилъ еси въ бѣдное сердце мое еще въ отрочествѣ избрати житіе иноческое,“ взывалъ къ Богу Благодѣтелю преосвященный Филаретъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Такъ, съ отроческихъ лѣтъ возлюбивъ Господа, будущій іерархъ 20-ти лѣтъ отъ рожденія, принятіемъ на себя обѣтовъ монашескихъ, уже посвятилъ всего себя на служеніе Богу. Затѣмъ, во всю свою жизнь, ежедневно и еженощно вспоминая молитвенно спасительныя страсти Христовы, онъ всегда, по его выраже-

[1]) Dictionnaire de thèologie par l'abbè Bergier, Paris, 1868 г. IV p. 390.

нію, „жилъ на крестѣ.“ Отъ юности своей не бывъ любостяжательнымъ, онъ все свое имущество, принадлежащее ему,“ точію по нуждѣ и по приличію званія,“ по кончинѣ предоставилъ въ пользу святой Кіево-Печерской лавры: бриліантовый крестъ съ клобука на украшеніе чудотворной иконы успенія Царицы небесной, библіотеку— въ духовную семинарію, всѣ деньги—на училища и бѣдныхъ. „За симъ, заключаетъ святитель, сродникамъ моимъ по плоти никакого наслѣдства, по кончинѣ моей, не оставляю.“ При точномъ и ревностномъ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ званіемъ и долгомъ общественнаго служенія на разныхъ іерархическихъ степеняхъ, архипастырь со всею строгостію исполнялъ уставы и правила монашеской жизни: онъ всегда пребывалъ въ воздержаніи, трудахъ и молитвѣ. Сердце его пламенѣло любовію великою къ Спасителю; пріобщеніе св. Христовыхъ таинъ было для него наслажденіемъ священнѣйшимъ и невыразимымъ, молитва—занятіемъ самымъ пріятнѣйшимъ: онъ часто, а въ послѣдніе годы ежедневно, совершалъ Божественную литургію. „Далъ бы Богъ завтра дождаться причащенія св. тайнъ“, было единственнымъ желаніемъ умиравшаго

святителя. И съ какимъ дивнымъ умиленіемъ принималъ онъ Божественное тѣло и кровь Искупителя! Онъ обнималъ потиръ своими руками, цѣловалъ его и въ живѣйшемъ душевномъ восторгѣ взывалъ: „о, Жизнь моя! о, Свѣте мой, о, Надежда моя“! Въ послѣдніе дни своей жизни, каждый разъ, въ Божественныхъ тайнахъ, ожидая на утро духовнаго общенія съ небеснымъ Посѣтителемъ душъ нашихъ, вслѣдствіе внутренняго воспаленія, палимый великою жаждою, святитель съ двѣнадцатаго часа ночи не рѣшался каплею святой воды утолить своихъ невыносимыхъ страданій. Въ день кончины, 21 декабря 1857 г., по принятіи имъ святыхъ даровъ, стоявшіе около одра его стали читать молебный канонъ Божіей Матери; при словахъ: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“, умирающій благоговѣйно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, изъ померкавшихъ и полузакрытыхъ глазъ его струились слезы, въ почти охладѣвшихъ рукахъ его твердо держалась зажженная свѣча; тихо догорала жизнь святителя, и съ послѣднимъ глубокимъ вздохомъ отлетѣла ко Господу блаженная душа его, оставивъ на лицѣ совершенное спокойствіе праведника... Съ прочтеніемъ духовнаго завѣщанія, сдѣлалось из-

вѣстнымъ кіевской паствѣ, что пастырь ея подъ святительскими ризами скрывалъ великоиноческую схиму, и былъ молитвенникомъ за нее и какъ первосвятитель, и какъ схимонахъ [1]..

Преосвященный Филаретъ, митрополитъ Московскій.

Преосвященный Филаретъ въ монашество былъ постриженъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Высшимъ желаніемъ для будущаго священноархимандрита лавры и Московскаго первосвятителя было въ то время желаніе удостоиться впослѣдствіи стоять гробовымъ у чудотворной раки преподобнаго Сергія. Въ монашествѣ, будучи преподавателемъ и наставникомъ, будущій іерархъ, при разныхъ трудахъ и занятіяхъ, подвизался въ постѣ и молитвѣ. „Подвиги молитвы и поста, дѣла любви къ ближнему и жертвы на нуждающихся и страждущихъ украшали святителя отъ дней честнаго и непорочнаго отрочества до дней честной и благочестивой старости“,—замѣчаетъ его біографъ,

[1]) Духовная бесѣда 1858 г., стр. 148—163 и Воскресное чтеніе 1858 г., стр. 500—523.

Российская государственная

г. Сушковъ. Въ санѣ митрополита, во дни посвященія новыхъ викаріевъ, обыкновенно творилъ святитель „учрежденіе веліе“. Все, что бывало лучшаго и дорогаго, въ обиліи тогда предлагалось посѣтителямъ; но самому хозяину подавали обыкновенную его пищу: такъ мудро поучалъ великій старецъ своихъ гостей воздержанію. Какія великія скорби несъ архипастырь во всю свою жизнь,—и съ какимъ трогательнымъ великодушіемъ! „Да, дайте же мнѣ хоть опровергнуть клевету, которую онъ наноситъ на васъ“, просилъ преосвященнаго Филарета г. Сушковъ.—„Зачѣмъ? отвѣчалъ святитель:—время покажетъ, что тутъ правда и что нѣтъ“.—Зависть хлопотала объ удаленіи Московскаго архипастыря изъ Москвы въ Грузію; распространился слухъ о наименованіи его экзархомъ: святитель спокойно готовился къ переселенію въ область св. Нины. „Монахъ, какъ солдатъ,—говорилъ онъ,—долженъ стоять на часахъ тамъ, гдѣ его поставятъ, идти туда, куда его пошлютъ“. Если къ дѣламъ по епархіи, по перепискѣ съ св. сѵнодомъ, присовокупить частое служеніе, соборное и домашнее, освященіе церквей, приготовленіе проповѣдей встрѣчи царственныхъ посѣтителей, испытаніе

воспитанниковъ академій и семинарій, посѣщеніе свѣтскихъ училищъ и т. д., то сколько же останется досуга на успокоеніе отъ работъ, на пищу, сонъ и рѣдкія бесѣды съ посѣтителями! Какъ полонъ былъ день святителя разнообразныхъ подвиговъ и трудовъ! Какъ кратка была ночь его! Многіе въ послѣднее время уговаривали святаго труженика поберечь свои силы, но на всѣ совѣты былъ одинъ отвѣтъ: „Я тогда и здоровъ, когда работаю". — „Все же,— возражали ему,—нуженъ отдыхъ".—„Я отдыхаю на разнообразіи занятій", отвѣчалъ онъ. Благотворительность іерарха - безсребренника не знала предѣловъ. „Ничто не мое", сказалъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и покидая міръ, не оставилъ онъ стяжанія въ наслѣдіе міру. Немногое изъ его доходовъ, по необходимости, было употреблено имъ на себя,—все же прочее пошло на дѣла евангельской любви къ ближнему, любви къ отечеству, любви къ благолѣпію Божіихъ храмовъ. Благодатныя дарованія Божественнымъ совѣтомъ озаряли главу іерарха-подвижника: въ немъ замѣчали даръ прозорливости и даръ исцѣленій. Благотворная дѣятельность великаго свѣтильника приближалась къ своему предѣлу,—и

вотъ въ видѣніи является ему его родитель и говоритъ: „береги 19 число!“ Святитель принимаетъ слово родителя, какъ бы Божественное откровеніе о числѣ дня своей смерти, и затѣмъ, каждое 19 число, совершеніемъ Божественной литургіи, готовится къ своему исходу. Въ такомъ блаженномъ настроеніи духа, 19 ноября 1867 г. совершилъ онъ въ послѣдній разъ Божественную литургію и, черезъ два часа по пріобщеніи пренебесныхъ даровъ безсмертной жизни, какъ бы догорѣвшій свѣтильникъ склонилъ свою священную главу подъ руку смерти [1]).

Преосвященный Іона митрополитъ бывшій экзархъ Грузіи.

Въ скоромъ времени, по постриженіи въ монашество, преосвященный Іона былъ возведенъ на Тамбовскую архіерейскую каѳедру. Тамъ любимымъ мѣстомъ его подвижническаго уединенія была Саровская пустынь: въ ней святитель, вмѣстѣ съ братіею, бывалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ и исполнялъ иноческія

[1]) Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго,—Сушкова, Москва. 1868 г.

правила. Перемѣщенный въ Грузію, втеченіе 10 лѣтъ своего тамъ пребыванія, онъ не пропустилъ ни одной церковной службы. Въ 1830 г. въ Грузіи свирѣпствовала холера. Архипастырь съ самоотверженіемъ самъ, съ лекарствами, посѣщалъ больныхъ и исполнялъ священническія требы. На покоѣ въ Свято-Троицкой Александроневской лаврѣ маститый іерархъ около 16 лѣтъ проводилъ свои дни въ строгомъ уединеніи и подвигахъ отшельничества. Минуты онъ не былъ празднымъ: или онъ читалъ, или писалъ, или зачинивалъ себѣ платье и сапоги. Платье его было самое ветхое. Жилъ онъ въ крайней нестяжательности и воздержаніи великомъ. Все его дневное пропитаніе стоило менѣе семи копѣекъ. У него не было ни скатерти, ни салфетки: вмѣсто скатерти служилъ подносъ, вмѣсто салфетки служила простая писчая бумага. Первую и страстную седмицы Великаго поста онъ не вкушалъ ничего; въ прочіе дни, не исключая и св. Пасхи, постояннымъ кушаньемъ его были щи со снѣтками и каша. При всякомъ случаѣ, смиренномудрый архипастырь готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія даже у своего келейника; у іеромонаха, совершавшаго въ тотъ день Божест-

венную литургію, онъ всегда бралъ благословеніе, какъ бы простой монахъ. Ночь его проходила въ молитвѣ. „Господь только одинъ знаетъ, въ которомъ часу за-полночь засыпалъ нашъ святый владыко,—говорилъ его келейникъ. Въ третьемъ-четвертомъ часу утра, бывало, проснувшись, слышалъ я, какъ онъ на молитвѣ постукиваетъ въ полъ своею головкой". Каждая страница келейныхъ письменныхъ замѣтокъ святителя свидѣтельствуетъ, что сердце его стремилось внити во дворы Господни, что онъ непрестанно взывалъ: „Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ"! Единственнымъ дорогимъ предметомъ его бесѣды было разсужденіе о грѣхахъ и близости смерти. Съ какимъ глубокимъ сокрушеніемъ сердца приступалъ маститый митрополитъ къ страшной Божественной жертвѣ: слезы дивнаго, благодатнаго умиленія обильнѣйшими ручьями струились тогда изъ очей его. Всѣ доходы свои, втеченіе многотруднаго служенія своего святой Церкви, нестяжательный іерархъ употребилъ на благотворенія нуждающимся, на украшеніе храмовъ и въ пользу святыхъ обителей. Такъ, роздано было имъ до 260 т. руб. ассигн., роздано съ живымъ участіемъ въ горѣ ближняго

и съ сердечною скорбію о бѣдствующихъ; затѣмъ, ближайшему своему келейнику, по кончинѣ, святитель могъ оставить въ благословеніе только свою фуфайку, крытую крашениною, на бѣличьемъ, совершенно, вытертомъ мѣху; спальные сапоги въ заплатахъ, чайную чашку безъ ручки и лубочную сахарницу. Особоровванный, напутствованный святыми дарами, 22 іюня 1849 г., по выраженію лаврскаго іеромонаха о. Мельхиседека, митрополитъ Іона въ его глазахъ заснулъ навѣки такимъ же тихимъ сномъ, какъ незадолго передъ тѣмъ скончалось при немъ осьмилѣтнее дитя одного его духовнаго сына. Безсребреннику-іерарху преосвященный викарій (Наѳанаилъ) приготовилъ отъ себя полное архіерейское облаченіе; неизвѣстные благотворители прислали для усопшаго бѣлый глазетовый гробъ, 100 руб. для раздачи нищимъ за упокой души его, и на свой счетъ въ день погребенія устроили по немъ приличныя поминки [1]).

[1]) Сказаніе о жизни митрополита Іоны, бывшаго экзарха Грузіи. Бѣльскаго, Спб. 1852 г.

Преосвященный Антоній, архіепископъ Воронежскій.

По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, будущему Воронежскому свѣтильнику предлагали вступить въ училищную службу. „Я желаю поступить въ святую лавру, — отвѣчалъ онъ,—чтобы мнѣ самому учиться у тѣхъ святыхъ учителей, которые въ нетлѣніи почиваютъ въ пещерахъ“. Впослѣдствіи, когда онъ уже принялъ въ лаврѣ монашество, преосвященный Платонъ, митрополитъ московскій, посѣтивъ лавру, замѣтилъ ему: „Зачѣмъ не пошелъ ты въ учителя: ты ищешь себѣ покоя“? „Того покоя, святый владыко, о которомъ Господь сказалъ: пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“,— отвѣчалъ великому святителю смиренный подвижникъ. Велики были подвиги архипастыря Воронежскаго: онъ носилъ власяницу, со всею строгостію исполнялъ монашеское правило, ночи проводилъ безъ сна, спалъ на жесткомъ ложѣ. Въ санѣ архіепископа онъ не пропускалъ ни одной Божественной службы; весьма

часто служилъ самъ,—и никакія дѣла не могли отвлечь его отъ этого священнаго занятія. Онъ говорилъ, что монаху безъ церкви быть нельзя. Столъ его обыкновенно состоялъ изъ двухъ или изъ трехъ блюдъ. Въ торжественные же праздники святитель предлагалъ всѣмъ обильное угощеніе. „Нельзя не принять пріѣзжихъ,—говаривалъ онъ при этомъ:—они гости святителя Митрофанія, а я его служка". Со всѣмъ обиліемъ безпредѣльной любви отзывался архипастырь на всѣ нужды ближняго, отечества и Церкви. „Что я имѣю,—свидѣтельствовалъ онъ—есть собственность нуждающихся". Особенная, божественная благодать озаряла Воронежскаго іерарха. Молитвою, въ 1830 г., онъ сохранилъ свою епархію отъ холеры; во время засухи испросилъ отъ Господа обильный дождь; съ лицами, желавшими, но стѣснявшимися, открыть ему свою совѣсть, святитель самъ заводилъ подходящія бесѣды: обличалъ слабости и погрѣшности, составлявшія предметъ тайны; образки святителя Митрофанія, данныя въ благословеніе кавказскимъ воинамъ, во время сраженій—принимая на себя пули, нѣкоторыхъ изъ воиновъ сохранили отъ смерти. Предчувствуя свое отшествіе изъ жиз-

ни скорбей въ царство нескончаемаго радованія, всю ночь, наканунѣ своей кончины, архипастырь провелъ въ молитвѣ; въ день кончины, 20 декабря 1846 года, причастившись св. Христовыхъ Таинъ, пожелалъ особороваться: самъ назначилъ, какія духовныя лица должны были находиться при совершеніи этого таинства. По особорованіи, простившись со всѣми и всѣхъ благословивъ, съ горящею свѣчею въ рукахъ, тихо и мирно предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. Почившаго облекли въ полное облаченіе и на креслахъ вынесли въ залу. Какъ живой, сидѣлъ въ креслахъ святитель при этомъ перенесеніи: лѣвая рука его опустилась, а правою онъ твердо самъ держалъ у груди крестъ. Прошли годы послѣ блаженной кончины архипастыря Воронежскаго, но и понынѣ многіе чтутъ его память, служатъ панихиды за упокой души его и слезами орошаютъ его могилу [1]).

[1]) Жизнь преосвященнаго Антонія, архіепископа Воронежскаго и Задонскаго,—Севастьянова, Спб. 1852 г.

Валаамскаго монастыря игуменъ Назарій.

Съ юныхъ лѣтъ отличаясь благочестіемъ, на семнадцатомъ году о. игуменъ Назарій оставилъ міръ и вступилъ въ Саровскую пустынь. Впослѣдствіи, по волѣ преосвященнаго Гавріила, митрополита Новгородскаго, вызванный изъ Сарова, онъ былъ опредѣленъ строителемъ въ Валаамскій монастырь. Въ нѣсколько лѣтъ своего управленія, о. Назарій упрочилъ внѣшнее и внутреннее благосостояніе Валаамской обители, и тѣмъ стяжалъ себѣ право на вѣчную ея признательность. Воспитавъ сонмъ подвижниковъ на Валаамѣ, о. Назарій былъ самъ, подвижникомъ во всю свою жизнь. Строгое исполненіе иноческаго устава было всегдашнею его заботою; во всѣхъ добродѣтеляхъ монашескихъ онъ подавалъ собою живой образецъ своимъ ученикамъ. Во всѣхъ трудахъ общежитія, во всѣхъ работахъ монастырскихъ онъ подвизался самъ вмѣстѣ съ братіею; отъ юности онъ сохранилъ дѣвство и цѣломудріе; жизнь проводилъ до конца дней своихъ нестяжательную и постническую; едва только не рубище было его одеждой.

Смиренный самъ, онъ и всѣхъ искавшихъ у

него наставленія, прежде всего поучалъ смиренію. Чтеніе священнаго Писанія, и писаній отеческихъ составляло ежедневную пищу его души. Вся душа его была такъ проникнута мыслію о Божественныхъ предметахъ, что единственнымъ содержаніемъ его бесѣды были истины вѣры и благочестія. О дѣлахъ мірскихъ онъ не зналъ, какъ и говорить; но если бесѣдовалъ о подвигахъ противъ страстей, о любви къ добродѣтели, то бесѣда его была неизсякаемымъ источникомъ сладости. Подвизаясь со дней юности подвигомъ благочестія, о. Назарій получилъ отъ Господа даръ прозорливости. Безъ испытанія узнавалъ онъ человѣческія мысли, характеръ и склонности, и каждаго приходящаго побуждалъ къ исправленію недостатковъ, какіе прозорливо въ немъ усматривалъ. Въ дремучихъ лѣсахъ Саровскихъ, когда онъ жилъ тамъ, въ пустынѣ, по возвращеніи съ Валаама, не разъ въ зимнее время случалось ему встрѣчаться съ медвѣдями, но они никогда не нападали на него. Исполненный дней, о. Назарій преставился на вѣчный покой въ Саровской пустынѣ 23-го февраля 1809 г. [1])

[1]) Валаамскіе подвижники. Библіографическій очеркъ, С. П. Б. 1872 г., стр. 5—11.

Кіево-Печерской Лавры духовникъ, іеросхимонахъ Парѳеній.

„При вступленіи моемъ въ святую Кіево-Печерскую лавру,— свидѣтельствуетъ о себѣ о. Парѳеній,— я думалъ только о томъ, какъ бы молиться, да молиться непрестанно и трудиться, сколько силъ есть, слушать во всемъ, какъ Бога, начальника и никого не оскорбить и не осудить.“ Такъ, руководимый Духомъ Святымъ, онъ утруждалъ плоть свою, проходя со всѣмъ усердіемъ назначенное ему просфорническое послушаніе, подвергалъ себя всякаго рода лишеніямъ, и каждую минуту, свободную отъ послушанія, посвящалъ молитвѣ. „Бывало, утрудившись,— говорилъ онъ,— я лягу подъ лавкой или подъ столомъ— мнѣ все было равно.“ Сдѣлавшись начальникомъ просфорной, онъ подвергся однажды тяжкому духу унынія, душа его нуждалась въ утѣшеніи духовномъ,— и Господь сподобилъ его радостнаго видѣнія: ночью, во время молитвеннаго бдѣнія, онъ увидѣлъ преподобнаго Никодима, просфорника печерскаго, въ мантіи сидящаго у просфорной пе-

чи съ Псалтирью въ рукахъ. Съ того времени онъ питалъ къ этому угоднику Божію особенную любовь и благоговѣніе и, подражая образу его жизни, самъ сталъ совершать ежедневно всю Псалтирь. О. Пароеній былъ воздерженъ и умѣренъ въ высшей степени. Особенно отличался онъ удивительнымъ нестяжаніемъ. У него не было другой одежды, кромѣ той, которую онъ носилъ. Всякую вещь, кромѣ необходимой, онъ спѣшилъ выкинуть за порогъ, если не находилъ кому бы отдать ее. Денегъ онъ никогда не имѣлъ. Если, по неотступной просьбѣ духовныхъ дѣтей своихъ, принималъ отъ нихъ ихъ усердныя приношенія, то немедленно раздавалъ ихъ нищимъ или нуждающимся. Ночь проводилъ онъ въ молитвѣ, чтеніи и переписываніи отеческихъ книгъ. Во всю жизнь старца всякая сколько нибудь значительная перемѣна въ его положеніи совершалась по особенному, ясному указанію Божія промысла. Такъ, предъ вовсе неожиданнымъ посвященіемъ своемъ во іеродіакона и іеромонаха, онъ видѣлъ въ сновидѣніи, что Святитель, окруженный неизрѣченною славою, повелѣлъ ему взять святое Евангеліе и священнодѣйствовать, и предстоящая святителю Боголѣпная Царица, ободряя стар-

па, неизрѣченно-сладкимъ голосомъ сказала ему: „Возьми, я за тебя поручаюсь“ Сорока шести лѣтъ отъ рожденія пожелалъ о. Пафнутій принять на себя великій ангельскій образъ. Сомнѣваясь въ исполненіи своего желанія со стороны начальства, онъ очень смущался. Тогда въ легкомъ снѣ явился ему архіерей и сказалъ: „несомнѣвайся, Пафнутій, желаніе твое исполнится.“—„Кто ты?“—спрашиваетъ въ недоумѣніи святителя старецъ.—„Я Парѳеній, епископъ Лампсакійскій.“—Съ облеченіемъ въ схиму, главнѣйшимъ подвигомъ о. Парѳенія было пріобрѣтеніе истиннаго молитвеннаго духа. Вся Псалтирь, акаѳисты Спасителю и Божіей Матери, поклоненіе страстямъ Господнимъ, чтеніе Евангелія, множество поклоновъ, денноночная церковная служба и служеніе Божественной литургіи втеченіе двадцати лѣтъ, — составляли ежедневное молитвенное правило старца. Великую скорбь отъ бѣсовъ претерпѣлъ подвижникъ молитвы— за свое правило. „Какое отъ бѣсовъ нападеніе перетерпѣлъ я за мое правило!—говорилъ онъ самъ.—Вотъ уже двадцать лѣтъ, то аще не бы со мною присутствовала сила Божія помогающая, давно бы мнѣ надлежало во гробъ вселитися отъ такого мученія

несказаннаго и человѣкомъ неисповѣдимаго. Но, слава Богу о всемъ!“ —Исполненіе молитвеннаго правила, въ соединеніи съ должностію духовника, иногда и часа не оставляло на успокоеніе немощной плоти дряхлѣющаго старца. Силы его постепенно ослабѣвали; тихо, какъ лампада, догоралъ онъ. По желанію его, совершено было надъ нимъ елеосвященіе; въ Великій четвертокъ, за раннею литургіею, причастился старецъ Божественныхъ таинъ, со всѣми простился,— вечеромъ слушалъ послѣдованіе страстей Христовыхъ, а къ утру, сидя облокотившись на столъ, какъ бы погруженный въ глубокую думу, предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. Такъ блаженно почилъ отъ великихъ трудовъ своихъ іеросхимонахъ Парѳеній 25 Марта 1855 г. [1])

Свято-Троицкой Александроневской лавры іеросхимонахъ.

1-го Сентября 1825 года, въ день отъѣзда въ г. Таганрогъ, государь императоръ Александръ Благословенный слушалъ напутственный молебенъ въ соборѣ Свято-Троицкой Александро-

[1]) Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Кіево-Печерскія лавры, іеросхимонаха Парѳенія. Кіевъ, 1856 г..

невской лавры. По окончаніи молебна, посѣтилъ онъ келліи преосвященнаго митрополита, гдѣ, между прочимъ, изволилъ бесѣдовать съ схимникомъ и потомъ отправиться въ его келью. Когда дверь кельи схимника отворилась, мрачная картина представилась глазамъ императора: полъ и всѣ стѣны кельи до половины обиты были чернымъ сукномъ; у одной стѣны стояло большое Распятіе, у другой — черная скамья, за перегородкой — на столѣ черный гробъ съ погребальными принадлежностями; лампада, горящая предъ Распятіемъ, тускло освѣщала это печальное жилище. Крайняя нищета и высокая отшельническая обстановка поразили Благословеннаго: онъ погрузился въ задумчивость.

Государь! — сказалъ ему схимникъ, — прости мнѣ мое дерзновеніе: я человѣкъ старый, много видѣлъ я на свѣтѣ; молю тебя, — благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе; но послѣ чумы нравы испортились. Въ 1812 году наступило время исправленія и набожности, но, съ окончаніемъ войны, нравы еще болѣе ухудшились. Ты — царь; Ты долженъ бдѣть надъ нравами; Ты — сынъ православныя Церкви; Ты долженъ любить и охранять ее.

Таково о Тебѣ изволеніе Господне!“ — „Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я,— сказалъ тогда государь, обратясь къ митрополиту,— но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова этого старца... „Жалѣю, что я давно съ тобою не познакомился,— сказалъ потомъ императоръ схимнику:— теперь я буду посѣщать тебя.“ Принявъ благословеніе отъ схимника, Благословенный вышелъ изъ его кельи.[1])

Валаамскаго монастыря духовнихъ, іеросхимонахъ Евѳимій.

О. Евѳимій исполнялъ обязанности братскаго духовника и старца; отличался глубокимъ смиреніемъ, земнымъ поклоненіемъ привѣтствовалъ онъ мірскихъ людей и каждаго, даже новоначальнаго брата. Слезы всегда орошали лицо его. Его самоукореніе и самоуничиженіе не имѣли границъ: руководимый ими, о. Евѳимій считалъ себя недостойнымъ не только совершать Божественныя тайны, но даже и пріобщаться

[1]) Послѣдніе дни жизни императора Александра I, — Заикина, С. П. Б. 1827 г., стр. 9—13.

этой великой святынѣ въ алтарѣ: съ 1814 г. до кончины онъ причащался, какъ простой монахъ, обще со всею братіею, и никого не благословлялъ по-іеромонашески. Въ этомъ утвержденъ онъ былъ духовнымъ совѣтомъ приснопамятныхъ старцевъ: Ѳеодора и Леонида,—и затѣмъ никакія угрозы, никакія увѣщанія не могли побудить его исполнять обязанности священнаго сана. Онъ жилъ на безмолвіи въ пустынѣ и принималъ только искавшихъ отъ него наставленій. Высокая жизнь о. Евѳимія поражала внимательныхъ учениковъ его. Одинъ изъ нихъ, знаменитый впослѣдствіи монахъ Николо-Бабаевскаго монастыря, о. Иларіонъ, по обстоятельствамъ отправляясь съ Валаама, припавъ къ ногамъ старца, при прощаніи наединѣ, просилъ у него исполнить его послѣднюю просьбу. „Что хочешь ты?"—спросилъ его о. Евѳимій.— „Батюшка, — сказалъ ученикъ,— „ты скоро жизнь свою кончишь: молю тебя, если обрящешь благодать у Господа, явися мнѣ очевидно."— Старецъ задумался и, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ: „Это выше мѣръ моихъ."— Любящій, ревностный ученикъ продолжалъ умолять старца.—„Мнѣ извѣстна вся твоя жизнь, батюшка,— говорилъ онъ,— и

если твое спасеніе будетъ сокровенно и неизвѣстно, то намъ какъ можно и надѣяться спастися? Если же ты обрящешь благодать у Бога, то тебѣ будетъ это возможно.“— Старецъ отвѣтилъ: „Буди воля Господня!“ и они разстались.— 1-го Октября 1829 г., во время вечерни, въ день Покрова Божіей Матери, о. Иларіонъ, въ глубокой скорби отъ многообразныхъ искушеній, сидѣлъ въ часовнѣ Николо-Бабаевскаго монастыря, на рѣкѣ Волгѣ; вдругъ двери часовни сами собою отворились, и ему очевидно явился о. Евѳимій:— это былъ день его преставленія. Почти тридцать лѣтъ хранилъ втайнѣ о. Иларіонъ утѣшительное явленіе ему о. Евѳимія, и только за мѣсяцъ до своей блаженной кончины открылъ ее въ послѣднемъ своемъ письмѣ, отъ 19 Декабря 1858 г., нынѣшнему настоятелю, заключивъ свое письмо слѣдующими словами: „да и намъ много надо просить святыхъ молитвъ о. Евѳимія: онъ живой примѣръ духовной жизни нашей.“ [1]) Силу молитвъ о. Евѳимія испытала на себѣ сестра его Агафія, бывшая въ замужествѣ за діакономъ Капицкаго погоста, Новгородской губерніи, о. Корниліемъ. Агафія скончалась; ее обмыли,

[1]) Валаамскіе подвижники, 1872 г., стр. 25—27.

положили на столъ подъ святыя иконы; прошли цѣлыя сутки; вдругъ она поднимается на своемъ одрѣ и садится; находившіеся въ комнатѣ ея мужъ и двое родственниковъ испугались и хотѣли бѣжать. „Не бойтесь!»—говоритъ имъ воскресшая и, перекрестившись, проситъ своего мужа подать ей воды „Скорбно было то мѣсто, въ которое отведена была я по моей смерти, — стала объяснять Агафія своему мужу,—но по молитвамъ брата моего, о. Евоимія, Господь избавилъ меня оттуда и даровалъ мнѣ пожить еще сутки. Завтра я умру; а ты поступай въ Ондрусову пустынь въ монахи: тебя благословитъ Господь!“Распорядившись о раздачѣ милостыни убогимъ, Агафія въ мирѣ скончалась на другой день. [1])

Валаамскаго монастыря схимонахъ Серафимъ.

По любви къ Богу, о. Серафимъ оставилъ жену и вся красная міра; съ первыхъ дней поступленія своего въ монастырь, жилъ въ большомъ воздержаніи: чаю не пилъ, тѣла своего никогда не обмывалъ, въ трудахъ и непрестан-

[1]) Клятвенное показаніе внуки о. Евоимія, отъ 7 го Іюля 1872 г., въ канцеляріи Валаамскаго монастыря, въ дѣлѣ № 39, 1871 г.

ной молитвѣ проводилъ дни свои. Въ храмѣ Божіемъ бывалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ. Отсѣченіе воли и желаній было въ немъ полное. Уже въ старости и болѣзни, не возьметъ, бывало, онъ безъ особаго благословенія даже просфоры. Случающіяся неизбѣжныя скорби переносилъ въ молчаніи; оправдывать себя не любилъ. Въ послѣднее время о. Серафимъ очень болѣлъ: отъ плечъ и до пояса со спины его сошла вся кожа; страшная язва приводила въ содроганіе постороннихъ; но онъ не только не хотѣлъ лечить ея, но и нестерпимой своей боли не обнаруживалъ даже болѣзненнымъ вздохомъ. Два раза, противъ его воли, накладывали живительный пластырь на язву— и оба раза старецъ, оставшись наединѣ, своими руками сдиралъ его весь,— и тѣмъ убѣдилъ прекратить пользованіе. Въ глухую ночь, на соломенномъ своемъ ложѣ, съ великимъ трудомъ, въ тяжкой болѣзни, вставалъ о. Серафимъ, для молитвы, на колѣни; медленно, съ глубокимъ вниманіемъ ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ и полагалъ поклонъ, произнося молитву; послѣ нѣсколькихъ поклоновъ, въ изнеможеніи упадалъ онъ на свое ложе и снова, съ усиліемъ возставая на молитву, опять, послѣ

нѣсколькихъ поклоновъ, повергался на свой одръ: въ такихъ трудахъ проходила ночь больнаго старца. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ особоровался и нѣсколько разъ пріобщался св. Христовыхъ таинъ. Дня за два до его кончины. келліархъ, іеродіаконъ Іона, по своей должности, пришелъ посѣтить его. Глаза старца были закрыты; лицо его сіяло необычайною радостію, грудь высоко поднималась; изъ словъ его можно было заключать, что онъ видитъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Сказавъ: „Владыко грядетъ, грядетъ Владыко! "старецъ крестился, въ величайшемъ восторгѣ простиралъ руки и съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія и любви взывалъ: „Господи мой! Сладчайшій Іисусе Христе! Боже мой!".....Съ трепетомъ смотрѣлъ келліархъ на сіявшее дивною радостію лицо старца и съ ужасомъ внималъ словамъ его. Старецъ умолкъ; тихая радость почивала на лицѣ его. Тогда о. Іона рѣшился подойти къ нему. Спросивъ старца о здоровьѣ и получивъ отъ него отвѣтъ: „я здоровъ, очень здоровъ; мнѣ легко, весьма легко!," келліархъ продолжалъ:—„Батюшка, про кого ты говорилъ недавно, что грядетъ; кто это грядетъ?"— „Какъ кто?— Господь нашъ Іисусъ Христосъ; про

Него я говорилъ, что Онъ грядетъ,"—радостно и спокойно отвѣтствовалъ старецъ. 2-го Февраля 1860 г. тихо предалъ духъ свой Господу о. Серафимъ. При опрятаніи тѣла его, не было уже того непріятнаго и тяжелаго запаха, который былъ постоянно въ кельи старца, и особенно слышанъ былъ отъ него самого по причинѣ неомовенія: вмѣсто того запаха, опрятовавшіе тѣло, келліархъ и послушникъ Макарій, съ удивленіемъ обоняли благоуханіе; не было уже и страшной до того язвы на тѣлѣ старца: ее благолѣпно покрыла тонкая кожица [1]).

Валаамскаго Монастыря монахъ Германъ, миссіонеръ Американскій.

Съ самыхъ юныхъ лѣтахъ о. Германъ возымѣлъ великую ревность, и 16 лѣтъ отъ рожденія пошелъ въ монахи. Всею душею полюбилъ онъ величественную, пустынную Валаамскую обитель; полюбилъ незабвеннаго настоятеля ея, великаго старца Назарія и всю братію. Сначала онъ проходилъ здѣсь разныя послушанія. Испытавъ его ревность въ трудахъ общежитія,

[1]) Валаамскіе подвижники. 1872 г. стр. 43—45.

мудрый старецъ, о. Назарій отпустилъ его на жительство въ пустыню. Въ 1794 году изъ братіи Валаамскаго Монастыря сформирована была миссія для просвѣщенія свѣтомъ евангельскимъ дикихъ обитателей острововъ Алеутскихъ въ Сѣверной Америкѣ; въ числѣ десяти человѣкъ, составлявшихъ миссію, былъ избранъ и о. Германъ. Недолго продолжались общіе успѣхи миссіи; наконецъ остался одинъ о. Германъ,—и ему благоволилъ Господь долѣе всѣхъ собратій потрудиться подвигомъ апостольскимъ для просвѣщенія Алеутовъ. Въ Америкѣ сорокъ лѣтъ жилъ онъ на о. Еловомъ, который онъ назвалъ „Новымъ Валаамомъ.“ Въ великихъ трудахъ проводилъ онъ жизнь свою, и все, что пріобрѣталъ своимъ безмѣрнымъ трудомъ, все то употреблялъ на пропитаніе и одежду для сиротъ—его воспитанниковъ и на книги для нихъ. Тѣло его, изнуряемое трудами, бдѣніемъ и постомъ, сокрушали пятнадцати фунтовыя вериги. Разсказывая о подвигахъ о. Германа, ученикъ его—алеутъ Игнатій Алигъ-Ага прибавлялъ: „да, трудную жизнь велъ апа [1]) и никто не можетъ подражать его жизни.“ Въ дѣлѣ своего служенія старецъ полагалъ

[1]) Дѣдушка.

душу свою за своихъ духовныхъ дѣтей. Алеутовъ онъ называлъ новорожденными младенцами, а себя—нижайшимъ слугою ихъ и нянькой. Предстательствовалъ онъ за нихъ, по его выраженію, „кровавыми слезами.“ Особенно старался онъ о нравственномъ преуспѣяніи алеутовъ. Дѣтей алеутовъ въ устроенномъ имъ училищѣ онъ самъ училъ закону Божію и церковному пѣнію. Въ воскресные и праздничные дни алеуты собирались къ нему въ часовню для молитвы. Любили они слушать его наставленія: бесѣды старца съ чудною силою дѣйствовали на слушателей. Множество разнообразныхъ скорбей понесъ о. Германъ отъ начальниковъ колоній за свою великую ревность о благѣ алеутовъ. Посвятивши себя совершенно на служеніе Господу, ревнуя единственно о прославленіи Его святаго Имени, вдали отъ родины, среди многообразныхъ скорбей и лишеній, десятки лѣтъ проведя въ высокихъ подвигахъ самоотверженія, о. Германъ былъ сподобленъ многихъ сверхъ-естественныхъ даровъ отъ Бога. „Удивительно,—восклицалъ ученикъ его Игнатій,—какъ подобный намъ человѣкъ могъ все это знать впередъ за такое долгое время! Впрочемъ,—нѣтъ: онъ не простой че-

ловѣкъ! Онъ мысли наши видѣлъ и невольно доводилъ до того, что мы ихъ открывали ему и получали наставленія.“ Приближалось время отшествія старца. Въ день кончины приказалъ онъ зажечь свѣчи и читать Дѣянія св. Апостоловъ. Тихо преклонилъ онъ тогда свою голову на грудь своего ученика Герасима, келья наполнилась благоуханія, просіяло лицо его, и о. Германа не стало! Такъ блаженно почилъ онъ сномъ праведника 13 Декабря 1837 г. На другой день по смерти о. Германа, быкъ, который при немъ выросъ, сталъ тосковать, и съ тоски ударился лбомъ о дерево и свалился мертвый на землю. Похоронивъ своего старца, надъ могилою его ученики поставили деревянный памятникъ. „Я самъ видѣлъ этотъ памятникъ,“ —говоритъ намъ якутскій, священникъ Петръ Кашеваровъ,—и теперь могу сказать, что онъ нисколько не тронутъ временемъ и какъ будто бы сегодня сколоченъ.“ Видѣвъ славную жизнь о. Германа, видѣвъ его чудеса, видѣвъ исполненіе его пророчествъ и наконецъ блаженное его успеніе, „вообще всѣ мѣстные жители“, — свидѣтельствуетъ преосвященный Петръ, епископъ Новоархангельскій, викарій Камчатскій и Алеутскій,—имѣютъ благоговѣй-

ное уваженіе къ нему, какъ къ святому подвижнику, и вполнѣ увѣрены въ его богоугожденіи [1]).

Приведенные нами примѣры изъ совершеннаго подвижничества въ обѣихъ формахъ жизни монашеской, формѣ штатной и формѣ общежительной, неопровержимо доказываютъ, что монашество наше въ обѣихъ своихъ формахъ также свято, также благодатно, какъ во времена преподобныхъ Пахоміевъ и Антоніевъ великихъ. Мы представили факты: противъ фактовъ нѣтъ возраженій. Недостатки современнаго монашества возраженіемъ быть рѣшительно не могутъ: тѣ же недостатки были и въ цвѣтущей древности; недостатки свидѣтельствуютъ только о немощи человѣческой. Они вовсе не плодъ мнимаго богатства монастырей; вовсе не слѣдствіе штатной или общежительной формы монастырскаго воспитанія. Нарушеніе монашеской дисциплины зависитъ исключительно отъ свободной воли, а воля свободна и въ богатой, и бѣдной обители, и при штатной, и при общежительной формѣ монашеской жизни. Единственное средство, по завѣту великихъ отцовъ, дѣйствовать на свободу воли—

[1]) Валаамскіе подвижники. 1872 г. стр. 49—69.

это есть примѣръ настоятеля, кроткое и мудрое увѣщаніе, отеческія, оберегательныя мѣры и великое долготерпѣніе. Подвижника нужно воспитать,—и святыя обители были и суть мѣста духовнаго воспитанія.

Въ монастыри принимали лицъ всѣхъ возрастовъ, даже престарѣлыхъ и дѣтей, если только они стремились къ подвигамъ жизни монастырской. Въ одеждѣ простаго мірскаго работника пришелъ нѣкогда преподобный Макарій великій въ Тавенисіотскій монастырь къ преподобному великому Пахомію. „Молю тебя авво, прими меня въ монастырь, да буду монахъ,—проситъ Пахомія Макарій".—„Ты уже состарѣлся, — отвѣчаетъ ему Пахомій: — какъ можешь ты подвизаться? Братія подвизаются отъ юности и выросли въ подвижническихъ трудахъ, и тѣ едва выносятъ тяготу; а ты въ такомъ возрастѣ не возможешь понести искушеній подвижничества, соблазнишься, выйдешь отсюда и будешь злословить насъ." — „Прими, авво,—продолжаетъ умолять великаго Макарій,— если я не буду поститься такъ, какъ и они; если не буду трудиться такъ, какъ и они трудятся:—то повели изгнать меня изъ монастыря." — Тогда великій Пахомій убѣждаетъ

своихъ братій принять Макарія [1]). Точно также поступилъ великій Антоній. Въ дверь отшельнической его келліи постучался Павелъ препростый и открылъ ему свое желаніе—быть монахомъ. Разсуждая, что въ такой старости Павелъ неспособенъ къ подвигамъ отшельнической жизни, Антоній совѣтовалъ ему лучше идти въ какую нибудь деревню и тамъ снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ; и только, послѣ убѣдительныхъ просьбъ, послѣ обѣщанія полнаго повиновенія, принялъ онъ къ себѣ Павла [2]). Такъ, по убѣжденію великихъ отцовъ монашества, Антонія и Пахомія, монастыри были для всѣхъ только мѣстомъ посильнаго монашескаго подвига, но отнюдь не мѣстомъ тѣлеснаго успокоенія людей больныхъ и престарѣлыхъ.

Дѣтей принимали въ монастыри съ согласія родителей. По выраженію преподобнаго Пахомія, дѣти эти были „Самуилы“ т. е. посвященные или посвятившіе себя на служеніе Богу. Они составляли первую степень новоначалія; ихъ учили грамотѣ, точно такъ какъ, учили грамотѣ и взрослыхъ, если тѣ поступали въ

[1]) Patrologiae cursus completus, t. XXXIV pag. 189—192.
[2]) Vies des pères, t. I p. 100 и 101;

монастыри неграмотными; обучали ремесламъ. Дѣти, вмѣстѣ съ взрослыми участвовали на молитвѣ и въ трапезѣ,—вмѣстѣ съ взрослыми трудились въ послушаніяхъ монастырскихъ [1]). Тотъ же самый порядокъ видимъ и въ монастыряхъ св. Василія великаго. Тамъ дѣтей принимали отъ родителей, при многихъ свидѣтеляхъ, что бы не подать случая жаловаться желающимъ найти случай; принимали ихъ для причисленія къ братству; учили ихъ грамотѣ, сообразно ихъ священному назначенію; втеченіе многихъ дней дѣтей испытывали, по испытаніи не принимавшій на себя дѣвственной жизни, какъ неспособный пещися о Господнихъ, при свидѣтеляхъ былъ отпускаемъ изъ обители, а произносившаго обѣтъ причисляли къ братству [2]). Такимъ образомъ, оба великіе законоположника монастырской жизни, преподобный Пахомій и св. Василій, въ своихъ уставахъ ни слова не говорятъ о воспитаніи мірскихъ дѣтей при обителяхъ: оба они излагаютъ только правила, какъ принимать и какъ содержать въ монастырѣ дѣтей, желающихъ посвятить себя монастырской жизни.

[1]) Vies des péres, t 1 p. 320—326.

[2]) Творенія Св. Отцовъ. т. 9 стр. 131—136.

Утвержденныя на незыблемомъ, многовѣковомъ основаніи святыхъ уставовъ великихъ свѣтилъ Церкви и монашества, святыя обители понынѣ для путника земли, шествующаго къ горнему отечеству, являются, какъ благотворные духовные оазисы въ печальной, великой пустынѣ суетнаго міра.

Въ монастырскихъ храмахъ сердце путника совершенно отдѣляется отъ земли: здѣсь передъ нимъ развертывается міръ иной, міръ жизни для Бога; и въ Богѣ здѣсь монашествующіе, въ ихъ величественныхъ черныхъ одеждахъ, являются ему какими то особыми, неземными существами; ихъ тихіе, гармоническіе, полные благоговѣнія напѣвы проникаютъ въ его душу; онъ слышитъ здѣсь какую-то чудную проповѣдь о Богѣ и святыхъ Его,—проповѣдь, облеченную въ восхитительный міръ звуковъ. Цѣлые часы носимый на крыльяхъ этой дивной проповѣди, онъ изливаетъ мольбы свои предъ Господомъ, поучается въ законѣ Господнемъ, укрѣпляется въ духовныхъ силахъ и исполняется чувствъ благодатнаго умиленія и тишины сердечной.

Зная, что обитатели монастырскихъ селеній оставили вся красная міра, родныхъ, друзей,

общественныя увеселенія, земныя науки и занятія, единственно для того, что бы всегда „приметатися въ дому Господнемъ“ (псал. 83, 11) и „слышати гласъ хвалы Его“ (псал. 25, 7), путникъ земли не приходитъ къ нимъ искать земнаго обученія, или обыкновенныхъ тѣлесныхъ врачеваній: у него въ мірѣ много школъ, больницъ и разнообразныхъ мѣстъ для тѣлеснаго успокоенія, тамъ онъ во множествѣ можетъ найти учителей и лекарей, посвятившихъ себя своимъ занятіямъ для общественной пользы со всею полнотою любви и со всѣмъ обиліемъ необходимыхъ знаній. Въ монастырскихъ селеніяхъ путникъ ищетъ того, чего не найти ему въ мірѣ,—онъ ищетъ врачеванія душевныхъ страстей, утоленія душевнаго горя и наставленій на путь ко спасенію. Здѣсь открываетъ онъ свое сердце,—здѣсь сбрасываетъ онъ съ себя бремя грѣховъ, здѣсь съ полною вѣрою—какъ бы отъ Бога принимаетъ онъ наставленія отъ старца-духовника, исполненнаго духовной опытности; по его слову рѣшается примириться со врагами, измѣнить къ лучшему свою жизнь; здѣсь въ немъ совершается переворотъ, имѣющій мощное вліяніе на земное его счастіе и на загробную участь.

И какіе безчисленные сонмы благочестивыхъ поклонниковъ стремятся сюда со всѣхъ концовъ безпредѣльной святой Россіи, что бы здѣсь, для освѣженія своихъ духовныхъ силъ, подышать, хотя краткое время, живительною небесною атмосферой и потомъ, въ мирѣ душевномъ, снова пуститься въ тревожную стезю мірской суеты! Поистинѣ, здѣсь сердце русскаго благочестія,—здѣсь неизсякаемый источникъ его нравственныхъ силъ.

И какихъ мощныхъ силъ духовныхъ исполнена святая область монастырская! Здѣсь свѣтятъ всему міру свѣтомъ благочестія и вѣры великіе архипастыри: филареты, Іоны, Антоніи... Здѣсь процвѣтаютъ ревностные подвижники, опытные духовники и наставники; кіевскіе Парѳеніи, александроневскіе Мельхиседеки, саровскіе Серафимы, валаамскіе Назаріи и Евѳиміи, оптинскіе Макаріи... Здѣсь, вдали отъ всякихъ мірскихъ заботъ и занятій, подъ кроткимъ вѣяніемъ евангельскаго духа, мало по малу достигаютъ совершенства и созрѣваютъ для небесной житницы многія тысячи монашествующихъ и послушниковъ. Здѣсь-твердый оплотъ святой вѣры, здѣсь-цвѣтъ подвижничества, здѣсь-сокровищница небесныхъ ученій,

здѣсь-врачебница нравственныхъ немощей, здѣсь-краса и сила Церкви православной. „Приди же и учись у монаховъ: это свѣтильники, сіяющіе по всей землѣ.“

конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

1) Міръ и монастыри 1

2) Доходы и имущества монастырей 19

3) Монастырская жизнь 36

14

2005227377